

Глава 17. Несмотря ни на что, просто оставайтесь рядом с другим человеком

Эти двое почти не разговаривали, пока поднимались вверх в комнату Хэ Цзиня.

В номере оказалась одна большая кровать. Это вполне нормально, так как человек, путешествующий в одиночку, не будет бронировать двухместный номер.

- Ты остановился здесь один? - Ду Янь огляделся и не увидел следов присутствия второго человека.

- Иначе? - Хэ Цзинь не понял намёка Ду Яня.

- Только что я видел Фан Сянсян у входа в отель.

- О чём ты только думаешь?! - Хэ Цзинь снова нахмурился. - Я просто хотел найти место, где можно расслабиться, а живописные места Наньчэна находятся в уезде Худун.

- Да, так оно и есть, - кивнул Ду Янь.

Однако Хэ Цзинь чувствовал, что должен прояснить этот вопрос:

- Встреча с Фан Сянсян была случайностью. Это её родной город, поэтому она провела мне экскурсию. Тебе лучше не думать о своих грязных мыслях для взрослых.

Ду Янь не хотел говорить что-то вроде: «Ты тоже взрослый, кто кого грязнее?». Было слишком по-детски ссориться с таким маленьким ребёнком, как Хэ Цзинь. Как суперзлодейский босс, как он мог совершить такой постыдный поступок.

Он подошёл к дивану и сел:

- Я слышал, что она позвонила учителю Чэну и сказала, что хочет изменить свою заявку на университет Бэйчэна.

Хэ Цзинь был ошеломлён:

- Это ее дело, я не очень в курсе.

- Хорошо.

Хотя Ду Янь был уверен, что изменение заявки Хэ Цзиня как-то связано с Фан Сянсян, ему не нужно было, чтобы мальчик признал это.

Ду Янь почувствовал, что атмосфера между ними была немного неловкой, поэтому он выбрал случайную тему только для того, чтобы разрядить обстановку.

Хэ Цзинь увидел, как взгляд Ду Яня упал на кровать в центре, а потом вспомнил дотошность своего дяди каждый день. Ему не нравилось, когда кто-то был слишком близко, и ему не нравилось, когда кто-то входил в его комнату. Он был очень типичной Девой.

- Я посплю на диване, - активно предложил Хэ Цзинь.

Ду Янь посмотрел на диван, на котором сидел. Условия в отеле были довольно хорошими. На первый взгляд диван выглядел так, будто на нём можно спать, но с ростом Хэ Цзиня ему пришлось бы спать, свернувшись калачиком, что очень огорчало.

Ду Янь не мог занимать чужое место, но сам он не был готов спать на диване. Ведь простыни можно поменять, а диваны не так удобно чистить.

Что касается его нынешней личности, то если бы он спал на диване, то точно не сомкнул бы глаз.

Ду Янь сказал:

- Если ты не возражаешь, мы можем спать вместе.

- С-с-с-спать вместе?

Ду Янь увидел, как глаза Хэ Цзиня расширились, а лицо как будто говорило, что это невообразимо. Он даже подумал, что этот ребёнок был немного разборчив:

- Если ты не хочешь...

Прежде чем он закончил говорить, его прервали.

- Я не возражаю!

Ду Янь видел, что другой стороне, похоже, всё равно, поэтому он больше не спрашивал. В одной комнате спали двое взрослых мужчин. Здесь же были не мужчина и женщина, так что им не на что обращать слишком много внимания.

Ду Янь с изначально слабым телом после почти месяца очень напряжённой работы, а затем трёх часов спешки в уезд Худун, теперь чувствовал себя очень усталым.

У Хэ Цзиня было всё то же обеспокоенное выражение лица, но Ду Яня это не волновало, и он не стал говорить более на эту тему.

Умывшись, он быстро лег спать. Удивительно, но у него не было проблем со сном из-за присутствия Хэ Цзиня.

Может быть, это было потому, что ребёнок сжался на дальней стороне. Кровать уже представляла собой постель два на два метра, и расстояние между ними можно было рассматривать как границу Чу-Хань [1].

Может быть, это было потому, что Ду Янь очень устал. Короче говоря, он быстро уснул.

Посреди ночи Ду Янь проснулся, чтобы попить воды, но обнаружил, что он один в постели.

Ду Янь помассировал виски, сел и увидел, что в ванной горит свет.

Стена, отделявшая его от ванной, была из матового стекла. Занавеска внутри был опущен, но слабый свет всё ещё сиял. Изнутри также был слышен плеск воды.

«Почему он встал посреди ночи, чтобы принять ванну?» – Ду Янь жаловался в своём сердце, но не думал слишком много. Он выпил воды и снова заснул.

Вскоре после этого Хэ Цзинь вышел из ванной и раскрыл одеяло, впустив водяной пар из душа.

Ду Янь очень чувствительный человек. Он чувствовал, как прилетел холодок в тот момент, когда Хэ Цзинь поднял одеяло.

«Молодые люди действительно здоровы, даже принимая холодный душ посреди ночи», – эта мысль пришла в оцепеневшее сознание Ду Яня.

На следующий день у этого очень здорового мальчика поднялась температура.

Ду Янь сидел у кровати, потеряв дар речи. Что делал Хэ Цзинь, вставая посреди ночи и принимая холодный душ? Теперь он подхватил простуду.

На самом деле просит смерти.

Но при равнодушном характере Ду Яня он не был настолько безжалостным и неразумным, чтобы оставить своего племянника с высокой температурой.

Он отвёз Хэ Цзиня в ближайшую больницу для оказания неотложной помощи. Врач сказал, что у Хэ Цзиня была обычная простуда. Так как Хэ Цзинь был сильным молодым человеком, вливания не было необходимости. Пока он вернётся в постель, чтобы отдохнуть и охладить тело.

Ду Янь мог только отвезти Хэ Цзиня обратно в отель.

Хэ Цзинь, похоже, мало спал прошлой ночью, и из-за высокой температуры весь человек был в оцепенении. Ду Янь тоже не смел быть беспечным, опасаясь, что ребёнок глупо сгорит, поэтому большую часть дня он оставался у кровати.

Днём Ду Янь больше не мог этого выносить, поэтому он лёг на кровать, чтобы немного поспать. Когда он проснулся, то обнаружил, что его руку поймал Хэ Цзинь.

Ду Янь сел прямо, опустил глаза и посмотрел на руки, которые они держали вместе. Руки и пальцы Хэ Цзиня были очень длинными с кожей цвета пшеницы. Когда они легли на руку Ду Яня, он выглядел намного более зрелым.

«Этот ребёнок уже выглядит как взрослый мужчина», – подумал Ду Янь, поэтому он почувствовал, что это действие было действительно странным.

Он попытался с силой выдернуть руку, но не ожидал, что из-за этого движения Хэ Цзинь будет сжимать её все сильнее и сильнее.

- Дядя, не бросай меня, хорошо? Я правда... правда...

Всё тело Хэ Цзиня было горячим, а его речь была неразборчивой, поэтому Ду Янь не мог чётко разобрать следующие несколько слов. Наверное, он вёл себя как избалованный ребёнок.

Ду Янь посмотрел на покрасневшие горящие щёки Хэ Цзиня и на эту руку, которая, казалось, полагалась на него, и вдруг почувствовал, что не может этого сделать.

Этот ребёнок, внешне кажущийся равнодушным, всё же очень жаждал семейной привязанности, даже к совершенно неквалифицированному дяде.

Как всё стало таким? В последние три года он действительно не особо заботился о Хэ Цзине, и их отношения определённо не были очень тёплыми.

Ду Янь не думал, что с его стороны есть какие-то проблемы. Он был трудоголиком, строгим и суровым. Хотя у него был большой контроль над жизнью Хэ Цзиня дома, у него не было много мысленного обмена с ним.

Всё это соответствовало тому, как диктаторский родитель действовал бы, чтобы вызвать негодование. Возьмём, к примеру, бунтарский характер Хэ Цзиня. С непослушным характером мальчика он не должен был так зависеть от такого дяди, который не совместим с его характером.

Но факты были перед ним, и Хэ Цзинь, казалось, был искренен по отношению к Ду Яню. Он искренне считал его своим единственным родственником и семьёй в этом мире. Это даже

превратилось в девчачью историю, и он был совершенно неразлучен со своим дядей.

В будущем, действительно ли ему нужно было реализовать план, чтобы полностью разрушить иллюзию тепла в сердце Хэ Цзиня?

«Твоё настроение сейчас явно колеблется», – внезапно выскочил Сяо Ба.

«Какое настроение?»

«Воспитание ребёнка действительно создало чувства».

Ду Янь отказался признать это: «Нет, я старый Таоте без чувств [2]».

«Старый Таоте? Таоте? Нет-нет, ты из родословной Боки, и это не имеет ничего общего с Таоте».

Ду Янь не спорил с Сяо Ба, но появление Сяо Ба напомнило ему, что отношения Хэ Цзиня с ним были слишком близкими, чтобы продолжать в том же духе.

Ду Янь посмотрел на человека, который, наконец, погрузился в глубокий сон на кровати, и взял с тумбочки телефон Хэ Цзиня.

Пароль Хэ Цзиня было легко угадать, ведь это его день рождения.

Ду Янь ещё раз посмотрел на Хэ Цзиня и решил позвонить с его телефона.

Рано утром следующего дня лихорадка Хэ Цзиня спала. Он открыл глаза и увидел, что кто-то спит на диване в одежде.

Шторы в комнате были сдвинуты вместе, и освещение было не очень хорошим. Хэ Цзинь только что избавился от лихорадки и всё ещё был немного сбит с толку. Он подсознательно крикнул:

- Дядя, почему ты спишь на диване?

Этот человек немедленно встал и подошёл, но это был не тот человек, о котором думал Хэ Цзинь.

- Хэ Цзинь, ты проснулся.

Фан Сянсян нажала кнопку, и электрические шторы медленно открылись в обе стороны, и внутрь мягко пролилось утреннее солнце.

Хэ Цзинь слегка сузил глаза, и ему не понравился внезапный свет, но он всё равно быстро осмотрел комнату:

- Где мой дядя?

Фан Сянсян ответила:

- Дядя Се позвонил мне вчера. Он сказал, что у него ещё есть работа, поэтому он вернулся в Наньчэн.

Возможно, из-за того, что он был болен, но Хэ Цзинь, которому обычно было всё равно, чувствовал себя немного кислым. Конечно же, в представлении его дяди Хэ Цзинь был просто родственником, который не имел большого значения.

До восемнадцати лет Ду Янь строго контролировал его, а как только он стал взрослым, Ду Янь сразу же подвёл черту.

Подумав об этом, Хэ Цзинь снова почувствовал себя смешно. В тот день он определённо решил держаться от дяди на расстоянии, но по какой-то причине изменил своё решение и теперь снова был подавлен, потому что Ду Янь держался на расстоянии.

Это было так смешно. Из-за своего дяди Хэ Цзинь стал таким нерешительным...

- Хэ Цзинь, тебе всё ещё немного не по себе? - Рядом с ним раздался голос Фан Сянсян.

Хэ Цзинь пришёл в себя. Он поднял глаза и увидел девушку, сидящую рядом с ним с озабоченным взглядом. Он вдруг вспомнил, что Ду Янь сказал раньше.

- Фан Сянсян, ты изменила своё заявление на университет Бэйчэн?

Фан Сянсян запаниковала, но тут же успокоилась. Она уже нашла оправдание тому, почему изменила его, и искала возможность рассказать об этом Хэ Цзиню.

Она выбрала университет Бэйчэн из-за Хэ Цзиня, но знала, что не может сообщить ему об этом.

Фан Сянсян поняла характер Хэ Цзиня. Если бы он знал, что она не сдалась, то, вероятно, держался бы от неё на расстоянии, даже если бы они поступили в один и тот же университет.

Фан Сянсян улыбнулась:

- Раньше мне нравился старший брат из моего района, а сейчас он учится на младшем курсе университета Бэйчэн. На этот раз я не очень хорошо сдала экзамен, но если я откажусь от Бэйчэнского университета, даже не попытавшись, я почувствую себя немного непримиримой.

Помимо того, что он был немного чувствительным в делах Ду Яня, у Хэ Цзиня всегда были «грубые ветви и большие листья» [3], поэтому он не замечал, что не так:

- Из-за него ты собираешься поступать в университет Бэйчэн?

- Да, - Фан Сянсян кивнула. - Хотя он может вообще не помнить меня, пока я могу оставаться с человеком, который мне нравится, возможно, однажды он заметит меня. Есть некоторые вещи, к которым нужно приложить усилия, ведь неизвестно, что произойдёт в будущем, верно?

Несмотря ни на что, просто оставайтесь рядом с другим человеком. Разве однажды всё не изменится?

Сердце Хэ Цзиня дрогнуло, и он глубоко задумался.

---

[1] 楚河漢界 [chǔ hé hàn jiè] - Граница Чу-Хань. В годы после падения династии Цинь Чу и Хань боролись в течение четырёх лет, прежде чем согласились на то, чтобы каждый получил свою землю. На западе был Хань, а на востоке - Чу.

[2] 饕餮 [tāotiè] - Таоте - мифологическое существо, которое съедает всё подряд.

[3] 粗枝大葉 [cūzhīdàyè] - «грубые ветви и большие листья». Обр. в знач.: подходить к делу поверхностно, делать кое-как; небрежный, грубый; спустя рукава, через пень колоду.

<http://bllate.org/book/12445/1108010>